

В Кировском районном суде г.Омска состоялось первое заседание по иску действующего судьи, посчитавшего незаконным ряд следственных действий в отношении него, как спецсубъекта...

На исходе прошедшей недели, в пятницу, в Кировском районном суде г.Омска судья Галина Гончаренко рассмотрела в принципе тривиальную для служителей Фемиды «жалобу в порядке статьи 125 УПК РФ на действие/бездействие должностного лица» того или иного силового ведомства.

Безусловно, для председательствующей судьи не стало сенсацией, что на смежников из СКР пожаловался Сергей Москаленко, действующий федеральный судья, коллега по профессиональному цеху, авторитетный до последнего времени специалист в области уголовного права. Но не вокруг этих регалий, пиетета и взаимовыручки закрутилась настоящая интрига. Как оказалось, отдельные процессуальные новации омских следователей не вписываются ни в какие правовые рамки...

Попал в компанию

Судебный процесс прошел живенько и крайне содержательно, но без лишнего копания в деталях и подробностях. Среди слушателей – я, да девушка, судя по чертам внешности,

дочь Сергея Москаленко.

Изначальная интрига заседания мне понятна – все участники процесса профессионалы своего дела с большой буквы: старший прокурор Отдела прокуратуры Омской области Вера Девятьярова, старший следователь Отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета России по Омской области Денис Кудашов. И два судьи. Один в качестве «истца», второй – в привычном для себя статусе служителя Фемиды. Исключительно увесистая компания.

Статус-кво?

Первому слово судья Гончаренко предоставила заявителю. Я, как единственный представитель СМИ, попытался получить разрешение на проведение фото и видеосъемки, но стороны первый и последний раз проявили удивительное единодушие, посчитав иллюстрации с данного судебного заседания, словами прокурора, «не целесообразными». Судья Москаленко горько усмехнулся, дескать, его изображения в последнее время и без того буквально заполнили Интернет-пространство.

Слово опять предоставили С.С.Москаленко, тот тихим спокойным голосом зачитал свою жалобу. Перечислив с десяток норм Конституции, Федеральных законов и Уголовно-процессуального кодекса, которые, по мнению судьи, были нарушены следователями, заявитель сформулировал свои главные требования – «признать осмотр кабинета судьи от 10.11.2015 года не законным» и «вернуть изъятые с рабочего места личные вещи, в том числе и персональный компьютер».

Логика же следующая. Конституцией России (ст.122), Федеральным законом «О статусе судей» (ст. 16), целым рядом норм УПК РФ (ст.ст. 147, 450, 447 и др.) предусмотрены не только неприкосновенность служителей Фемиды, но и специальный механизм производства в отношении них следственных и процессуальных действий. Например,

чтобы получить разрешение на осмотр или обыск кабинета судьи, требуется удовлетворение ходатайства следственных органов об этом коллегией судей Областного суда. Законодатель прописал только такой порядок проведения данных следственных действий. По мнению заявителя Москаленко, норма императивна и не предусматривает каких-либо исключений или иных толкований.

Все во благо...

Следователь Денис Кудашов, вставший по просьбе судьи за трибуну в центре зала, изложил свою версию событий 10-го ноября прошлого года, которые развернулись сначала в реанимационном отделении больницы им. Кабанова, а затем и в здании Куйбышевского районного суда г.Омска (кабинеты №201 и №202). Если кратко, то, по мнению «ответчика», «доводы жалобы не состоятельны».

После получения информации о покушении на судью Москаленко была оперативно создана следственная бригада, которую возглавил господин Кудашов. По его поручению следователь Василенко отобрал у раненого судьи согласие на проведение осмотра его кабинета с целью ускорения получения сведений, которые помогли бы правоохранителям выйти на след киллера. По умозаключению силовиков, скорее всего, мотивы для устранения судьи кроются в его служебной деятельности. Отсюда желание как можно быстрее попасть в кабинет судьи и обнаружить какие-то записи, документы, позволяющие очертить возможный круг подозреваемых.

- Все делалось только в интересах Сергея Сейдахметовича, как потерпевшего по делу о

покушении на убийство, - неоднократно повторял как заклинание следователь Кудашов.

Да, «трибун» не отрицал, что не большие процессуальные недоработки были, но они обусловлены особенностью преступления, его резонансностью, необходимостью принятия оперативных мер реагирования и соблюдения прав потерпевшего.

Да, судья не подписал согласие на осмотр кабинета, но он просто не мог держать авторучку. Врачи между тем подтвердили, что «больной находится в адекватном состоянии», следователь зачитал ему права и текст заявления от его имени. Все было сделано в присутствии заведующего реанимационным отделением, им подписано.

Проотвечавшийся...

Перешли к стадии вопросов. У судьи Москаленко их набралось около двадцати. Каждый последующий логично вытекал из предыдущего.

Председательствующая коллега Гончаренко лишь два раза вмешалась в процедуру, указав, что в вопросах заявителя «присутствует оценка, а ее даст в своем решении суд». Впрочем, дважды пришлось успокаивать следователя, который вместо ответа начинал или «переходить на личность», или откровенно «препираться» с оппонентом. Видимо, железная логика и безукоризненность формулировок судьи Москаленко изрядно потрепали нервную систему старшего следователя, раз за разом пробивая брешь в его, казалось бы, последовательных доводах.

Для начала заявитель выяснил, что, принимая производство по уголовному делу №873944/4648, Денис Кудашов знал, что признанный по у/д потерпевшим гражданин С.С.Москаленко является действующим судьей. Знал, что в отношении спецсубъекта имеются предусмотренные Законом особенности проведения процессуальных и следственных действий.

- Если знали, почему не исполняли? – после каждого упоминания нормы действующего законодательства и утвердительного ответа оппонента вопрошал Сергей Москаленко.

Практически на все вопросы следователь Кудашов отвечал однотипно: действовал в интересах самого Сергея Сейдахметовича, права потерпевшего у нас во главе угла, для оперативности организации и проведения следственных действий, учитывая неотложность мер.

Проблемы с логикой начались, когда речь заходила о конкретике. Например, старший следователь не смог объяснить, почему для оперативного раскрытия преступления против судьи у него в адекватном, как уверяется, состоянии отбирают согласие на проведение осмотра кабинета, но при этом не опрашивают на предмет его версии случившегося, о том, кого он подозревает в организации и в исполнении покушения на себя. Действительно как-то не стыкуется: зачем предпринимать второстепенные действия, не выполнив главные, основополагающие, напрашивающиеся?!

Интерпретировав вопрос и так и эдак, судья по сути сам дает ответ, прокомментировав ситуацию в больнице тем, что «три дня после покушения я находился в полностью неадекватном состоянии, под действием лекарств и наркоза. Я абсолютно ничего не помню о происходящем. Три дня выпали из моей жизни». Как в таком состоянии он мог давать какое-то согласие на что-то, он не понимает.

Не понимает судья и другого. Уже под занавес стадии «вопрос – ответ» вдруг выяснилось, что в отношении Москаленко 10-го ноября производилось не одно, а два следственных действия: в час ночи состоялся осмотр кабинета в здании Куйбышевского суда с опечатыванием дверей, а в час дня в кабинете судьи состоялся полноценный обыск, в ходе которого было изъято с десятков наименований разного рода информационных носителей – диски, флешки, ПК, блокноты, тетради, ежедневники...

- Вы знаете, что осмотр и обыск это разные следственные действия? – опять зашел издалика Сергей Москаленко.

- Да, понимаю...

- Даже если допустить, что я давал вам какое-то согласие на осмотр, получается, вы

ввели меня в заблуждение?

- Нет. Когда вносилась запись про «осмотр» имелся в виду именно «обыск»...

- Я не могу понять. Подождите, это как такое возможно?! Вызвали человека на допрос, а произвели, к примеру, выемку документов. Так, у вас получается?

- При принятии следователем решения о проведении обыска он руководствовался только интересами потерпевшего. Проведение обыска способствовало раскрытию особо опасного преступления в отношении судьи...

После таких витиеватых слов оппонента у судьи Москаленко на время, видимо, даже пропал дар речи. Да и все присутствующие в зале заметно оживились. Перепутанные и телепатически увязанные «осмотр» и «обыск» отошли даже на второй план.

- Оно что раскрыто? – только и сумел произнести «потерпевший», отразив неподдельный интерес всех участников заседания.

От ответа и на этот животрепещущий вопрос старший следователь Кудашов ушел, продолжая убеждать судью Москаленко, что все делалось сугубо в его интересах и для скорейшего раскрытия покушения на него.

Не победителей... – судят!

Мне показалось, что заявитель предполагал, что действия в отношении него предпринимались не совсем в соответствии с буквой и духом Закона, но то, что это будет так вопиюще и грубо, он даже не мог себе вообразить. По-крайней мере, после того, как вскрылись такие скандальные подробности, Москаленко качал головой и периодически повторял одну и ту же фразу: «Я не могу понять...».

Действительно, как можно понять, если пишут «осмотр», а производят и имеют в виду «обыск». Как можно понять ссылку в суде на «неотложность следственных действий», когда такой формулировки в помине нет ни в первичном постановлении следователя, ни в «результатах» по раскрытию преступления.

И следователя Дениса Кудашова понять тоже можно. Он считает, что его действия были законны, потому что это были именно действия, а не бездействие. И в чем-то силовик прав. Правда, вот если бы он сумел раскрыть это покушение, и киллер и его заказчик сидели бы сейчас в СИЗО, то и ему бы не пришлось сейчас краснеть за трибуной, искать поддержки откуда-то извне, вглядываясь в оконную даль, препираться с потерпевшим и убеждать его, что все делалось по Закону, во имя его блага и для защиты его прав. Победителей, как известно, у нас не судят, а вот «не победителей»... - ?!

От первого лица

В итоге общение судьи и следователя зашло в личностный и правовой тупик. «Заявитель» Москаленко просил назвать ему какие-нибудь нормы права, которыми руководствовались следователи в своих действиях, а «ответчик» Кудашов парировал, что «все законно». Своеобразный «брейк» озвучила судья Галина Гончаренко, она поинтересовалась присутствовал ли сам Кудашов лично при составлении заявления от имени С.С.Москаленко. Выяснилось, что не присутствовал. Согласие судьи отбирал следователь Павел Василенко. Стороны не возражали, чтобы на следующее заседание он был вызван в суд для дачи показаний. Как и еще один подписант, фигурирующий в спорном заявлении, — заведующий реанимационным отделением ГКБ им. Кабанова. Их пожелал заслушать суд для установления истины по делу. Более того, суд счел возможным истребовать из СКР материалы уголовного дела по покушению на судью. Ряд предоставленных копий был не должного качества, а ряд документов вообще не был предоставлен в распоряжение Фемиды и заявителя.

За кадром...

Как участник многих судебных баталий и коллизий, я не исключаю, что и у данного судебного процесса имеется своя внутренняя кухня, скрытая подоплека.

Возможно, предполагалось или предполагается, что оспариваемые следственные действия могут позже стать составной частью уголовного дела в отношении судьи Москаленко. «Дела» такого, конечно, до сих пор нет, а вот «осадок» и в общественном мнении, и у главного "фигуранта", видимо, имеется.

Возможно, заявитель, формулируя, как мне кажется, аргументированные доводы о незаконности действий следователей, имел не только цель-максимум, но и задачу-минимум. Неоднократно из уст следователя и судьи прозвучала информация, что непосредственно перед заседанием суда системный блок, использованный в работе судьей Москаленко С.С., «возвращен по принадлежности в Куйбышевский районный суд г.Омска». Можно предположить, что главная интрига в этом. Есть мнение, что компьютер Москаленко мог быть изъят с целью уничтожить имеющуюся на нем мотивировочную часть решения по «делу Виктора Берга». Якобы, содержание текста не оставляет сомнений в том, что вердикт должен был быть обвинительный. И это не вписывается в уголовную версию, что Москаленко за взятки хотел оправдать подсудимого строителя. Теперь реальная интрига состоит в том, остался ли данный файл в памяти ПК.

Лично я могу предположить и более простое, человеческое, объяснение жалобы судьи. Попасть под занавес профессиональной карьеры в репутационный скандал, лишиться в одночасье расположения некогда «друзей» и «коллег», навлечь проблемы на семью, испытать на себе все «прелести» вольного толкования законов – мириться с этим, действительно, тяжело. Особенно если в судейской мантии до последнего придерживался иных принципов и подходов. Тогда выход один – нужно идти до конца.

Не отступать и не сдаваться!

Александр Грасс